

михаил петров

**лермонтов
от дуэли до самоубийства
варианты трагедии**

таллинн. 2025

Михаил Лермонтов. 1837. Худ. П.Е. Заболотский.

© Michael Petrov. 2025

Гибель на нелепой дуэли или выстрел *miséricorde*?

Казалось бы, что нового можно сказать о трагической гибели Михаила Юрьевича Лермонтова? Сказано всё и даже больше.

Литературоведы в штатском в присутствии сделавшего на Лермонтове громкое имя Ираклия Андронникова прострелили в морге труп потяряшки, чтобы снять подозрения с Императора Николая I в организации убийства поэта и на радостях отпраздновали следственный эксперимент арманьяком. Куда уж дальше!

Между тем смерть Лермонтова — самый таинственный инцидент в истории русской литературы. Трагедию не исследовали всесторонне и беспристрастно, потому что цель была и есть доказать главную версию: убили гения! Если с Николая Павловича сняли все подозрения, тогда кто столь влиятельный заказчик убийства?

Общий недостаток литературных расследований есть игнорирование несущественных для современных исследователей деталей, таких как честь для дворянина и офицера, грех самоубийства для христианина, а для участников дуэли их показания как в ходе следствия, так и много лет спустя, требования дуэльного кодекса, ограничивающие авторские фантазии рамками реальности.

С мой точки зрения, вариантов не так уж и много, например, дурацкий розыгрыш подвыпившей компании, закончившийся случайным кровопролитием, или роковое стечение обстоятельств, возникшее спонтанно и в силу этого непреодолимое.

Моя версия: самоубийство, тщательно замаскированное под дуэль со смертельным исходом как способ покрыть грех самоубийства в глазах общества и сохранить видимость гибели с честью. Роковой выстрел Мартынова — это как удар средневекового европейского дуэлянта клинком *miséricorde*. Выстрел милосердия, однако не умаляет вины Николая Соломоновича Мартынова. И он всегда знал, что виновен, что он — убийца.

***

Чтобы избежать обвинений в плагиате, я заранее соглашаюсь с тем, что не первый, кого посещали сомнения в связи с трагической гибелью поэта. Надеюсь, что и не последний.

Однако давайте спокойно рассмотрим факты в порядке очерёдности.

Настроение искало объект

Была такая традиция после смены в пионерском лагере оставлять пожелания на пионерском галстуке. Молодая романтически настроенная вожатая написала мне на красном галстуке короткое стихотворение, автор которого в тот момент был пионеру совершенно не знаком:

Дай Бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блещут;
Вино поддельное, кокетка,
Для головы и сердца — яд!

Прошло много лет, и приятель подарил мне полное собрание сочинений Лермонтова в издании Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук. Я раскрыл первый попавшийся мне том на посвящении Николаю Николаевичу Арсеневу: *Дай Бог, чтоб ты не соблазнялся*. Такие вот мистические пересечения с учётом того, что назвали меня в честь Лермонтова. В молодости мама очень любила его стихи, но не прозу.

Однако сейчас не об этом, сейчас о тайне смерти Лермонтова. Впрочем, считается, что никакой тайны нет: нелепая ссора, нелепая дуэль, нелепая смерть. Но так ли это?

Писатель Михаил Зощенко, размышляя в повести «Возвращённая молодость» о смерти Пушкина записал: *«Настроение искало объект»*. Это и про Лермонтова тоже.

Де Барант. Выстрел в воздух

Очевидно первыми, кто усомнился в чистоте поединка, его мотивах и подлинной цели, были непосредственные свидетели, т.е. участники дуэли. Так титулярный советник князь Васильчиков утверждал, что пятеро участников дуэли Лермонтова с Мартыновым дали друг другу слово

«молчать и не говорить никому ничего другого, кроме того, что показано на формальном следствии». Похоже, до статистов дошло, в какой блудняк их втянули, оба «дуэлянта». Сговор участников наводит на мысль о том, что реальные события отличались от описания дуэли, представленной на следствии и основанного на нём общепринятого мнения. Запомним эту деталь.

В связи с гибелью Лермонтова первое, что приходит на ум — это дворянская честь и православная традиция. Представление о дворянской чести давно утеряно. Лишение всех прав состояния и даже гражданская казнь не могли лишить дворянина чести, но он мог сам замазать её или вовсе лишиться, совершив бесчестный поступок. Лермонтовское «невольник чести», характеризующее поведение Пушкина в отношении Дантеса, очень точно передаёт мотивы той дуэли. Мог и не драться, но... Но затронута честь.

Некоторое представление о дворянской чести даёт сравнение с армейской присягой. Для советской интеллигенции, не сумевшей откосить от армии, присяга, принесённая в стройбате с учебным автоматом или черенком лопаты, нежно прижатом к груди, вообще не была наполнена каким бы то ни было смыслом. Точно также в новейшее время клятва лояльности эстонскому государству ничего не меняет в головах и в поведении неофитов.

Однако во времена Пушкина и Лермонтова к дворянской чести и слову дворянина относились со всей мыслимой щепетильностью, причём не только в армии. Поэтому, когда участники дуэли дают друг другу слово — клятву! — то нет никаких сомнений, что они сдержат его. Порукой тому дворянская честь. Слово в России всегда было крепче векселя.

Поясню на понятном примере. Если в Британии, при заключении сделки следует обязательное рукопожатие, скрепляющее договор, то в России достаточно было, например, купеческого слова. С точки зрения иностранцев, привычка русских верить на слово есть анахронизм. Горбачёв поверил в устное обещание не расширять НАТО на Восток и был нагло обманут западными партнёрами. Так ведь и Украины бы не случилось, если бы не этот невежественный лох с высшим партийным образованием. Однако вернёмся в тему.

Русский дворянин и офицер может покончить жизнь самоубийством в одном только случае, когда замарана его честь, и смыть бесчестье иным способом не представляется возможным. Лишь это обстоятельство покрывает грех самоубийства в глазах православного общества. Случалось так, что выстрел в висок был единственной возможностью сохранить или вернуть себе утраченную честь. В жизни Лермонтова ничего подобного как будто не случилось. Как будто...

Дуэльная пара времён Пушкина. Пистоль Дантеса осел во Франции в частном собрании, оружие Пушкина утеряно.

Однако у дуэли под Пятигорском была своя предыстория — дуэль Лермонтова с Эрнестом де Барантом.

Пушкин был убит на дуэли с французским кавалергардом, приёмным сыном нидерландского посланника в Петербурге барона Луи Геккерна поручиком де Геккерном, т.е. Дантесом, из дуэльной пары пистолетов, одолженной секундантом Дантеса д'Аршиаком у младшего сына французского посла в Петербурге Эрнеста де Баранта. В отличие от кремнёвого оружия новейшие пистонные пистолеты де Баранта реже давали осечку.

Повод для дуэли с де Барантом весьма невинный: то ли прекрасная вдовица Щербатова, то ли расхождение во взглядах по вопросу о национальной чести русских. Пусть себе об этом спорят историки и литературоведы — для нас повод значения не имеет. Для нас значимо, что положение

Эрнест де Барант (Ernest Sébastien Sophie César Brugière de Barante).
Художник не установлен.

де Баранта в обществе совпадает с положением Дантеса, оба французы, оба сыновья дипломатов. Кроме того, Лермонтов и де Барант стреляются из той же дуэльной пары пистолетов, из которой был убит Пушкин. Пушкин и Лермонтов — поэты. Не слишком ли много совпадений для случайности?

По выработанным секундантами правилам дуэли, счёт выглядел так: на «раз» приготовиться, на «два» целиться, на «три» стрелять одновременно. Конкретного условия прекращения дуэли не установлено, но по общему правилу время на обмен выстрелами ограничено 10-15 секундами.

По официально принятой литературоведческой версии, по счёту «два» де Барант прицелился, а Лермонтов держал пистолет, не целясь. По счёту «три» де Барант выстрелил, но промахнулся, а Лермонтов выстрелил в сторону. Казалось бы, дуэль исполнена по правилам. Дуэлянты пожали друг другу руки и разошлись.

Однако по Петербургу поползли слухи, что Лермонтов обесчестил де Баранта, первым выстрелив в воздух, а струсивший де Барант намеренно дал промах. Дело шло к возобновлению дуэли, и де Барант вынужден был объясняться с Лермонтовым, уже посаженным за проступок на Арсенальную гауптвахту. И вновь дело было улажено или как будто улажено.

Проблема состояла в том, что на суде Лермонтов показал, что стрелял не в сторону, а в воздух. Главный начальник III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии граф Александр Христофорович Бенкендорф, чьим девизом было знаменитое «Предан без лести», потребовал от Лермонтова признания в том, что на суде он дал ложные показания. Раз дело было улажено, то что мешало Лермонтову отказаться от данных под присягой показаний? А мешало то, чему у нас не принято придавать значения — честь дворянина.

Во времена Пушкина и Лермонтова пользовались дуэльным кодексом графа де Шатовильера, на основе которого постепенно складывалась русская дуэльная традиция XIX века. Так что вполне оценить выстрел в воздух мы можем по «Дуэльному кодексу» Дурасова. Кодекс был составлен в начале XX века, но с учётом дуэльных традиций, сложившихся в России в XIX веке. Среди знатоков русской дуэли Василий Алексеевич Дурасов, он же герцог Дураццо-Анжу граф де Гравина и д'Альба (1887 – 1971) едва ли не самый компетентный. Итак, что такое выстрел в воздух?

486. Стрелять в воздух имеет право противник, стреляющий вторым.

487. Противник, выстреливший первым в воздух, в случае если его противник не ответит на его выстрел или также выстрелит в

воздух, считается уклонившимся от дуэли и подвергается всем законным последствиям такого поступка.

488. Другой противник, стреляющий вторым, имеет полное право ответить на первый выстрел противника, обращённый в воздух, действительным выстрелом, причём в таком случае дуэль считается истекшей по дуэльным законам и противник, выстреливший первым в воздух, не подвергается законным последствиям.

Теперь становится понятным, что так взволновало де Баранта и заставило Лермонтова искать заступничества Великого Князя Михаила Павловича перед всемогущим Бенкендорфом. По всему выходит, что Лермонтов под присягой не соврал: он действительно стрелял в воздух, причём первым, на что не имел никакого права. Де Барант, чтобы спасти и свою честь, и честь Лермонтова стреляет в его сторону и намеренно промахивается, потому что дуэль Пушкина и Дантеса крепко застряла у него в голове: не дай Бог повторить судьбу младшего Геккерна! После выстрела де Баранта формально дуэль считается совершенной по дуэльным правилам.

Пятигорск. Гроза

Как и в случае с де Барантом следствие не смогло обнаружить реальный повод к дуэли с Лермонтовым, так не установило его и в случае с майором Николаем Соломоновичем Мартыновым. Не доискались и до причин поспешности, с которой был организован поединок. Почему в виду надвигающейся грозы дуэль нельзя было отложить хотя бы до утра 16 июля?

При этом бросающихся в глаза и зафиксированных в ходе следствия нарушений дуэльных традиций (кодекса) в ходе поединка было хоть отбавляй. Напомню, что участники дуэли дали друг другу слово не разглашать подробностей, сверх того, что показали на официальном следствии. Однако и того, что они показали на следствии достаточно для сомнений.

Прежде всего, было нарушено главное условие — правило равенства, определяющее, что все условия в поединке должны быть равными для обоих противников.

Было шесть с половиной часов по полудни 15 июля 1841 года, когда противники и секунданты съехались на месте, выбранном для дуэли. Прикинем время, потребное для обустройства барьеров, приготовления пистолетов, которые по правилам заряжаются непосредственно на месте дуэли, разъяснения участникам дуэли правил, спешно выработанных секундантами,

Николай Соломонович Мартынов. 1843.
Художник не установлен.

и будем вынуждены констатировать, что разоитись на позиции дуэлянты могли не ранее семи часов вечера, т.е. уже в сумерках при низком закатном солнце.

Примем во внимание, что заход солнца в Пятигорске на 15 июля 1841 года определяется в 19 часов 53 минуты.

По другим сведениями компания тронулась искать место для поединка на северо-западном склоне горы Машук только в половине седьмого часа по полудни, и тогда к этому нужно ещё приплюсовать время, потребное для преодоления, как минимум, четырёх вёрст до места дуэли. В таком случае дуэлянты оказались бы на своих позициях в уже сгустившихся сумерках.

Все участники дуэли особенно напирала на то, что собиралась гроза, и небо было затянуто тучами. Надвигающаяся гроза — весьма любопытное обстоятельство. Все ли небо было затянуто тучами или только часть? С какой стороны пришла гроза? Вопрос не праздный, поскольку освещение может существенно влиять на равенство условий поединка. Потому и стрелялись, как правило, на рассвете, когда уже достаточно светло, но солнечный свет ещё не даёт преимущества никому из противников. Надвигающаяся гроза как минимум означает, что всё делалось второпях, в том числе выбор места дуэли. С другой стороны, если про грозу и тучки слегка приврали, то мы ничего не знаем о положении закатного солнца.

После обозначения дуэльной позиции майор Мартынов был поставлен спиной к горе Бештау и лицом в сторону горы Машук по направлению с северо-запада на юго-восток. Позиция Лермонтова — спиной к Машуку и лицом к Бештау, т.е. с юго-востока на северо-запад.

Таким образом, Лермонтов в зависимости от рельефа места мог получить некоторое преимущество: закатное солнце располагалось бы слева от него и справа от Мартынова. Низкое закатное солнце слева не так мешает прицеливанию, как солнце справа. Не это ли одна из причин, почему все участники дуэли так напирала на приближающуюся грозу и тучи? Если же дуэль происходила уже в сумерках, то преимущество позиции Лермонтова ещё более очевидно — за его спиной темнеющая гора Машук, а силуэт Мартынова достаточно хорошо виден на фоне закатного неба. Лермонтов только расстёгивает сюртук, а Мартынов сбрасывает черкеску и остаётся в исподнем — светлой нижней рубахе, делающей его ещё более уязвимым.

Ещё одно очевидное неравенство зафиксировано в позициях: Мартынов располагается значительно ниже Лермонтова. Это обстоятельство официальное следствие упустило или как будто упустило из внимания.

Корнет Михаил Павлович Глебов.
Акварель неизвестного художника.

Полагаю, что разница более чем в пол аршина была бы немедленно оспорена Мартыновым и его секундантами, чего не случилось. Упоминание об этом преимуществе Лермонтова призвано оправдать характер ранения.

Ординатор-лекарь Пятигорского военного госпиталя титулярный советник Барклай-де-Толли установил, что пуля Мартынова попала в правый бок Лермонтова ниже последнего ребра, поднимаясь вверх, пробила оба лёгких и вышла между пятым и шестым рёбрами с левой стороны, прорезав мягкие ткани плеча. Направление движения пули свидетельствует о том, что стрелок как будто располагался ниже, чем его мишень. Между тем характер ранения свидетельствует, что в момент ранения правая рука Лермонтова была вытянута вверх, что объясняет, почему пуля прорезала мягкие ткани слегка опустившегося вниз левого плеча.

Участники «следственного эксперимента» с трупом потеряшки подсчитали, что, если траекторию пули под углом 60 градусов продлить вниз до земли, то она упрётся в землю на расстоянии 180 сантиметров от тела жертвы. Мартынову, пришлось бы лечь на землю или стрелять в упор. «Эксперты» высчитали с помощью компьютерной технологии, что выстрел Мартынова с 15-20 шагов под углом в 60 градусов вверх даёт Лермонтову преимущество позиции по высоте в 7,774 метра. Посчитали и сами удивились.

А я вот ничуть не удивился, потому что внимательно прочёл историю «Героя нашего времени», но в подробностях об этом ниже.

Советую подойти к зеркалу, встать правым боком и вытянуть над головой руку с утюгом. Утюг лучше взять старый, чугунный. Руку обязательно нужно зафиксировать навтыжку, чтобы при выстреле в воздух избежать травмы. Запомните, как изменится положение вашего тела, как изогнётся позвоночник и левое плечо окажется значительно ниже правого. И вот траектория пули между входным и выходным отверстием уже не 60 градусов от горизонтали, а значительно меньше. Практически параллельна земле.

Правильно оценить предположительное неравенство условий в части освещения и разницы в высоте позиций с точки зрения преимущества кого-либо из дуэлянтов можно только на месте дуэли, что сегодня в полной мере не представляется возможным, поскольку точное место поединка так и не установлено. Или намеренно скрыто?

Поединок

По условиям поединка каждый мог стрелять, когда ему угодно, т.е. с места или на ходу, или подойдя к барьеру, но только между командами

«два» и «три». Если обмен выстрелами в отведённые между командами 10-15 секунд не состоялся, то после команды «три» дуэль останавливается, и противников разводят на исходные позиции.

Кодекс Дурасова гласит, что при дуэли на пистолетах следующие поступки не допускаются дуэльной традицией, считаются бесчестными и влекут за собой законные последствия:

490. Выстрел одного из противников, сделанный хотя бы за секунду до команды о начале дуэли или после команды об окончании.

491. Какое-нибудь восклицание одного из противников в течение дуэли, исключая невольное восклицания в момент получения раны и заявления об осечке.

Кроме того, секунданты не имеют права подавать дуэлянтам команды, неговорённые условиями поединка.

Командует поединком Лейб-гвардии конного полка корнет Глебов, человек искушённый в дуэльных правилах. Глебов подаёт команду «Сходите! Раз!», затем «Два!» Лермонтов остаётся на месте, рука прижата к правому боку, ствол пистолета направлен вверх. Мартынов уже у барьера, но он колеблется, видя нежелание Лермонтова участвовать в поединке. До этого момента сомнений в обстоятельствах дуэли нет или почти нет.

Вопреки правилам после команды «два» Лермонтов обменивается репликами с кем-то из секундантов, и это уже грубое нарушение дуэльных правил. Причём реплика Лермонтова носит для Мартынова оскорбительный характер, что совершенно недопустимо. В.Я.Стоюнин записал со слов князя Васильчикова:

«Когда Лермонтову, хорошему стрелку, был сделан со стороны секунданта намёк, что он, конечно, не намерен убивать своего противника, то он и здесь отнёсся к нему с высокомерным презрением, со словами: "Стану я стрелять в такого дурака... ", не думая, что были сочтены его собственные минуты».

Но вот звучит команда Глебова «Три!», и дуэль остановлена.

На следствии Мартынов показал, что некоторое время ждал у барьера выстрела Лермонтова, но потом спустил курок. На вопрос о том, не случилось ли у Лермонтова осечки, Мартынов ответил отрицательно. Титулярный советник князь Васильчиков показал на следствии, что Лермонтов не успел сделать своего выстрела, посему выстрел в воздух из пистолета Лермонтова произвёл он сам по окончании поединка, когда поэт уже был ранен.

Отвечая на письменные вопросы Пятигорского окружного суда, Мартынов напишет:

«От сделанного мною выстрела он упал, — и хотя признаки жизни ещё были видны в нем, — но он уже не говорил. — Я поцеловал его и тотчас же отправился домой, полагая, что помощь может ещё подоспеть к нему во время».

Свидетели

Поцелуй Мартынова совсем не похож на поцелуй Иуды. Поцелуй как бы объясняет, почему не было свидетелей насмешек Лермонтова над Мартыновым. Об этом известно только со слов Мартынова. Князь Васильчиков не был свидетелем насмешек, что и показал на следствии. Корнет Глебов узнал о ссоре только некоторое время спустя. Генеральша Верзилина о ссоре, якобы произошедшей в её доме, не имела понятия. Дядя и друг поэта Алексей Аркадьевич Столыпин по прозвищу «Монго» и князь Сергей Васильевич Трубецкой от показаний и воспоминаний на эту тему вообще уклонились. Нечего было сказать в защиту Лермонтова? По одной из версий Васильчиков и Глебов просто пытались скрыть их участие в дуэли.

А вот свидетельства людей, присутствия которых обыкновенно не замечают, но на чьих глазах происходит господская жизнь. Крепостной Лермонтова Иван Соколов показал на следствии, что его барин и Мартынов обходились между собой дружески. Крепостной Мартынова Иван Смирнов заявил о том же. Кучер Мартынова Иван Козлов подтвердил их слова. Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютант Граббе, удостоверил, что во время *«соседственного квартирования Мартынова и Лермонтова, люди показывают, что жили они дружески»*.

Прощальный поцелуй и дальнейшее поведение Николая Соломоновича Мартынова свидетельствуют о том, что поводом для дуэли не могла быть непримиримая вражда, что в основе дуэли лежит нечто иное. Тайны давно минувших дней трудно поддаются расшифровке, и все же ложь, как жизнь и любовь, всегда найдёт дырочку.

Князь Васильчиков, переживший всех остальных участников дуэли, кроме Мартынова, посчитав себя более не связанным клятвой, рассказал, что Лермонтов после команды Глебова «Три!» остался неподвижен, стоял правым боком к Мартынову, защищаясь рукою и пистолетом по обычаю опытных дуэлянтов. Мартынов стреляет и его пуля, вместо того, чтобы раздробить правый локоть Лермонтова попадает ему прямо под ребро.

Алексей Аркадьевич Столыпин по прозвищу «Монго».
А. И. Клондер.

Князь Сергей Васильевич Трубецкой. 1835.
Художник не установлен.

При этом князь Васильчиков, кстати, выпускник Дерптского университета, не чужд мрачной романтики:

«Чёрная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу».

Однако Васильчиков соврал, когда заявил, что пистолет Лермонтова он разрядил самолично, выстрелив в воздух уже после дуэли. А ещё позже князь Васильчиков расскажет уже совсем иную историю, для нас довольно странную, но для современников поэта, хорошо знавших его, вполне достоверную. И в этой достоверной истории все происходит с точностью до наоборот.

После команды Глебова «Три!» Алексей Столыпин подаёт не оговорённую условиями дуэли команду *«Стреляйте! Или я разведу вас!»* Лермонтов, подняв правую руку вверх, стреляет в воздух, причём стреляет первым, т.е. демонстрирует нежелание участвовать в дуэли и совершает таким образом бесчестный поступок. Однако с другой стороны дуэль остановлена, казалось бы, стреляй куда хочешь, но нельзя — правила!

Вслед за Лермонтовым стреляет Мартынов, он словно не заметил, что дуэль уже остановлена. Его пуля попадает в правый бок Лермонтова под ребро, поскольку он не защищается пистолетом, а наоборот поднял руку над головой и открыл бок для противника.

Поскольку освидетельствование тела лекарем Барклаем-де-Толли — это единственное, чему хочется верить без оговорок, то можно точно судить о последовательности событий: первым стреляет Лермонтов, Мартынов стреляет вторым. Оба стреляют после того, как дуэль остановлена. Забавно, не правда ли?

Ещё как забавно! О незамедлительных последствиях для дуэлянта, совершившего бесчестный поступок — выстреле, сделанном после команды к остановке дуэли, да ещё и в воздух, читаем в «Дуэльном кодексе» Дурасова:

494. Дуэль прекращается.

495. Секунданты противной стороны, стоящие рядом с ним, имеют право застрелить противника, совершившего нарушение.

Выстрел Мартынова спасает от бесчестия и его самого, и Лермонтова, поскольку после выстрела дуэль считается исполненной по правилам.

Кроме того, выстрел Мартынова спасает от бесчестия всех остальных участников дуэли, включая Столыпина, подавшего неоговорённую условиями поединка команду. Проблема лишь в том, что Мартынов стреляет после команды об окончании дуэли. Вот почему соучастники в бесчестном поступке, дают друг другу слово не рассказывать о дуэли ничего, кроме показаний, данных на формальном следствии. Казалось бы, конец истории.

Самоубийство?

Суицидальные мотивы изначально присутствуют в поведении Лермонтова, но им никогда не предавалось решающего значения. Вместо этого ищут и находят доказательства вины Мартынова или следы заговора, во главе которого стоит корнет Глебов или даже сам император Николай Павлович. Кстати, в связи с первой дуэлью Лермонтова императору приписывают максимум:

«Если бы он подрался с русским, то я знал бы, как с ним поступить, но, когда с французом, три четверти вины слагается».

Но это так, к теме пришлось. Вернёмся, однако, к подножию Машука, где Лермонтов и Мартынов стреляются из дуэльных пистолетов Лермонтова. Зачем-то он приобрёл их и постоянно возил с собой? Или на Кавказе стреляться из армейских пистолетов не *comme il faut*? Увы, не комильфо, потому что использование личного оружия нарушает правило равенства.

Помните, что до счёта «Три!» Мартынов целил в Лермонтова. А ведь счёт в поединке идёт на секунды: команда корнета Глебова «Три!» — окончание дуэли — реплика Столыпина-Монго *«Стреляйтесь! Или я разведу вас!»* — небольшое замешательство противников, вызванное неоговорённой в условиях дуэли командой, — наконец, выстрел Лермонтова в воздух и ответный выстрел Мартынова в цель.

На бумаге всё выглядит гладко и есть лишь одно слабое место: пулевое отверстие в правом боку Лермонтова. Чтобы оно там появилось, нужно чтобы правая рука с пистолетом была вытянута вверх достаточно долгое время для того, чтобы Мартынов успел оценить ситуацию, т.е. выстрел Лермонтова в воздух, принять решение, снова прицелиться и спустить курок.

Для того, чтобы после выстрела в воздух рука опустилась вдоль туловища, нужны доли секунды. После этого естественного движения пуля Мартынова попала бы в руку или в пистолет, но Лермонтов будто нарочно подставляет правый бок под прицельный выстрел противника. Зачем? А затем, что выпал долгожданный случай, упустить который он не мог.

Едва ли Мартынов в тот момент мог адекватно оценить обстановку и принять единственно правильное решение. Первое, что приходит на ум: он действует автоматически как будто по заранее намеченному плану. Так был ли план? Инсценировать дуэль без плана — чистое безумие.

Кое-что проясняет дуэль Лермонтова с Эрнестом де Барантом. Положение в обществе де Баранта совпадает с положением Дантеса, оба французы, оба сыновья дипломатов, но до Дантеса уже не дотянуться. Поединок с де Барантом состоялся на рассвете 18 февраля 1840 года за Чёрной речкой на Парголовской дороге довольно близко к тому месту, где стрелялись Пушкин и Дантес. Кроме того, Лермонтов и де Барант стреляются из той же дуэльной пары пистолетов, из которой был убит Пушкин.

К моменту дуэли с де Барантом Лермонтов как будто ещё не выбрал между мстью и суицидом. В страстном желании мести нас убеждает эпиграф к знаменитому стихотворению «Смерть поэта», взятый из неопубликованной рукописи А.А.Жандра и представляющий собой вольный перевод из первого акта пьесы Жана Ротру «Венцеслав»:

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Мощным источником суицидального мотива для Лермонтова могло послужить единственное извещение о смерти Пушкина, напечатанное в пятом номере «Литературных прибавлений», автором которого был редактор журнала Владимир Фёдорович Одоевский:

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сём не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! к этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января 2 ч. 45 м. по полудни».

Не исключено, что для Лермонтова извещение стало чем-то вроде оракула, указывающего русскому поэту кратчайший путь к земной славе, а именно — быть убиту на дуэли и непременно иностранцем.

Жизнь других поэтов после смерти Пушкина — это пожизненное прозябание в его тени. Смерть от рук иностранца, прибывшего в Россию *на ловлю счастья и чинов*, немедленно делает Лермонтова подобным, если не равным Пушкину. Вот почему Лермонтов ищет ссоры с де Барантом, но, оказавшись с ним лицом к лицу, не может сделать однозначный выбор между мстостью и самоубийством.

В наличии плана самоубийства меня убеждает история поединка двух персонажей из повести Лермонтова «Герой нашего времени». Поэт моделирует дуэль с заранее определённым смертельным исходом. Пересказывать бессмысленно, поэтому три длинных цитаты:

«Драгунский капитан, разгорячённый вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он, — это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! (...) Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерётся к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Походите; вот в этом-то и штука... Вызовет на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия — будет как можно торжественнее и ужаснее, — я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит — на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано! согласны! почему же нет? — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

(...) после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: "Хорошо, я согласен"».

И это уже не шутка: компания затевает бесчестный поступок — потешную дуэль с целью унижить и обесчестить Печорина. Из шести видов дуэли на пистолетах выбран третий **«Дуэль на месте с последовательными выстрелами»**. При нормальном течении обстоятельств стреляются минимум на 15 шагах, а право первого выстрела определяется исключительно по жребию. Шутники из повести местом дуэли выбирают скалу и барьер, но Печорин внезапно меняет условия. Зная о проказе драгунского капитана и согласии на бесчестный поступок Грушницкого, он ужесточает условия поединка: стреляться не на пятнадцати, а на шести шагах, стоя на краю скалы, чтобы при малейшем ранении противник упал бы с высоты и разбился. Доктор удалит пулю и таким образом скоростижную смерть можно будет

Герой нашего времени.
С рисунка Ральфа Штейн.

объяснить неосторожным движением на скале.

Не напоминает ли это вам выводы следственного эксперимента с необычной траекторией полёта пули в теле Лермонтова, который в момент ранения должен был возвышаться над Мартыновым без малого на 8 метров? Возможно, подобно Печорину, Лермонтов и сам стоит на краю скалы, ожидая выстрела снизу. Выстрела, который сбросит его в пропасть...

А что же Грушницкий?

«Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стелясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности».

Как видим, сам Лермонтов отлично осведомлён в последствиях бесчестного поведения на дуэли и последствиях первого выстрела в воздух. И вот что в повести происходит дальше:

«— Вы счастливы, — сказал я Грушницкому, — вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьёте, то я не промахнусь — даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

— Пора! — шепнул мне доктор, дёргая за рукав, — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку, — вы все испортите; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...»

Внешне это точно другое: в финале поединка Грушницкий с пулей в груди — а где же ещё! — летит в пропасть. Изначально подлые условия подлецов Печорин делает для ещё более подлыми, и вот он уже сам убийца!

Рука с оружием не зафиксирована. В следующее мгновение, повинувшись отдаче, пистолет сломает Грушницкому нос. С рисунка В.Полякова.

Должно быть, современники поэта читали это место в повести, которая вышла отдельным изданием за год до смерти поэта, с чувством величайшего недоумения: условия дуэли чудовищны своей жестокостью — всё подло и против правил: противники, которым положено во время поединка молчать, обмениваются репликами, один стыдит другого, оба пререкаются с секундантами и т.д. Все участники дуэли ведут себя бесчестно, включая Печорина и доктора. И все вокруг знают, что Печорин попросту убил Грушницкого, против всех дуэльных правил, воспользовавшись его же подлостью.

Сверх того, повесть имеет точное внутреннее деление по датам. Последняя указанная дата — 16 июня. Ссора происходит 15 июня, а Печорин и Грушницкий стреляются 17 июня близ Кисловодска. Сам Лермонтов стреляется с Мартыновым 15 июля близ Пятигорска. Обе даты приведены по Юлианскому календарю (старому стилю) и находятся в такой календарной близости, что объяснить это простым совпадением довольно сложно.

Самоубийство!

Остаётся только объяснить тягу Лермонтова к суициду. Раскроем комментарии Михаила Зощенко к повести «Возвращённая молодость»:

«Автор хочет этим сказать, что случайной смерти как бы не существует. Даже насильственная смерть, скажем, дуэль и смерть Лермонтова, скорее похожа на самоубийство, чем на случайную гибель».

Был ли Зощенко знаком с материалами следствия по делу о дуэли Лермонтова и Мартынова мы не знаем. Интуитивно он понимал, что в самом поединке скрывается какая-то тайна, выворачивающая коллизию наизнанку. Писатель проводит параллель со смертью Пушкина:

«Дуэль и смерть Пушкина также в какой-то мере напоминает самоубийство или желание этого, может быть, даже и не доведённое до порога сознания. Во всяком случае, если проследить все поведение поэта за последние три-четыре года жизни, то это соображение покажется правильным. Достаточно сказать, что Пушкин за последние полтора года своей жизни сделал три вызова на дуэль. (...) Настроение искало объект».

Настроение Лермонтова — искало объект и нашло его в лице Мартынова, если, конечно между Лермонтовым и Мартыновым не было изначального сговора. Только сговором можно объяснить колебания Мартынова между командами «два» и «три». После угрозы Столыпина Лермонтов стреляет в воздух, чтобы подстегнуть Мартынова к действию. Затем наступает роковая развязка, в которой Мартынов — объект — становится орудием самоубийства Лермонтова. Сговор объясняет и «ссору» в доме генеральши Верзилиной, свидетелей которой следствие не установило, и формальный вызов на дуэль, свидетелей которому не нашлось, и прощальный поцелуй Мартынова, и грех убийства, который он замаливал до самой смерти.

К моменту дуэли с Мартыновым Лермонтов уже является автором огромного творческого наследия, включающего в себя и поэзию, и прозу, и драматургию, и даже живопись. Одно только посмертное собрание сочинений составит пять объёмистых томов в издании Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук! Но всё это после смерти.

При жизни поэта из стихов и прозы практически ничего не опубликовано. Лермонтов по-прежнему автор одного стихотворения — «Смерть поэта», которое разошлось по России в рукописных списках, и автор одного скандального романа. Тоже, конечно, слава, но не о такой он мечтает. Ему всего 27 лет, но творческий потенциал как будто исчерпан. Добавить к уже написанному нечего, да и незачем.

Так что план, если он был, сработал великолепно: честь дворянина формально осталась незамазанной, удалось избежать греха самоубийства и отчасти повторить судьбу Пушкина. Наконец, Лермонтов стал вторым — теперь навсегда вторым! — после Пушкина русским поэтом. Можно сказать, что солнце Лермонтова с его смертью не закатилось печально на небосклоне российской словесности, а стремительно взошло во всём своём нестерпимо болезненном блеске. И это его выбор, который мы должны уважать.

***

Печальное итогò — в ходу только одна версия: Лермонтова убили. К версии прилагается количество вариантов по количеству авторов. Версия самоубийства, замаскированного под дуэль, вообще не рассматривается, хотя по факту это тоже убийство, совершённое чужими руками.

Нет важного обстоятельства — предсмертной записки. Однако, если мы всё правильно поняли, то записка дезавуировала бы заговорщиков. Убийца Мартынов фактически гражданское лицо. Его нельзя разжаловать в чинах и сослать рядовым в горячую точку, но можно как убийцу лишить всех прав состояния и отправить по этапу на каторгу в Вилуйск или на Сахалин. Сомневаюсь, что его устроил бы такой расклад.

Однако, кто сказал, что записки не было? Была! Причём у всех на виду. Помните диалог Печорина с доктором в «Герое нашего времени»:

«— Пора! — шепнул мне доктор, дёргая за рукав, — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...»

*— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку, — вы все испортите; вы мне дали слово не мешать... **Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...***

Он посмотрел на меня с удивлением.

*— **О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...**»*

В советском литературоведении считалось неприличным отождествлять автора с его героем. Однако даже из таких категорических правил бывают исключения. И вот тогда... Тогда почти всё, что было показано соучастниками убийства на следствии, не соответствовало действительности. Их попросту развели. Мартынов дважды порывался признаться и не смог.

Что, если реальные же условия дуэли были таковы, как они описаны в поединке Печорина и Грушницкого на страницах «Героя нашего времени» и даже пуля уже была в стволе Мартынова. Как вам такой расклад?

Место дуэли было скрыто, потому что стрелялись по очереди на краю обрыва. Даже легко раненый противник должен был упасть с утёса и как бы разбиться насмерть. Лекарь Барклай де Толли удалил бы пулю, а свидетели подтвердили бы факт случайного падения. И вот тогда к разнице высот в семь метров, потребной для образования раневого канала под углом 60 градусов к плоскости земли, претензий нет.

Могло случиться непредвиденное: раненый Лермонтов упал на краю утёса и столкнуть тело ещё живого поэта в пропасть никто из участников трагифарса не решился. Тогда прощальный поцелуй Мартынова — это извинения за коряво исполненные обязательства и провалившийся по его вине план самоубийства под видом дуэли.

Столыпин, Глебов и Васильчиков — люди служивые — дальше Кавказа не сошлют, но одно дело служить в офицерах до почётной отставки и совсем другое — 25 лет в рядовых. Доктора, конечно, жаль: пули нет, но есть раневой канал и развороченное на выходе плечо поэта, что не совместимо с версией о случайном падении с обрыва. Одно дело принять участие в дуэли в качестве лекаря и совсем другое покрывать — убийц. Кстати, он и сам *de facto* соучастник убийства.

Возможно, именно эти обстоятельства послужили причиной сговора на сокрытие обстоятельств гибели поэта, а, возможно, что и нет.

Над всём, что сказано о Лермонтове после его смерти поставим «*nihil*»

Я намеренно убрал из разбора происшествия практически все эмоции, поскольку сухой остаток «дуэли» в рюшах не нуждается. Искренне уважаемый мной Владимир Бондаренко — автор жизнеописания поэта в серии ЖЗЛ, подметил современные тенденции к дискредитации всего русского:

«Я перечитал все возможные документы, воспоминания, книги, и царского периода, и советского периода, и нынешние. Меня поразила явная антилермонтовская позиция современных учёных. Нынешний поворот к воспеванию убийцы поэта я объясняю общей тягой к дискредитации всего русского. (...) Ладно бы, упирали на случайность дуэльной гибели. Мог погибнуть Мартынов, погиб Лермонтов... Но винят во всем именно Михаила Лермонтова».

Правда же состоит в том, что к моменту трагедии Лермонтов автор одного опубликованного романа, причём скандального. И одного стихотворения, гуляющего в списках. Для немедленного всероссийского траура такого величия маловато будет.

Ах, да, чуть не забыл про рукописные списки хулиганских мини-поэм «Петергофский праздник», «Уланша» и «Гошпиталь». Или вот непечатная эпиграмма на однокашника Петра Тизенгаузена:

Не води так томно оком,
Круглой жопкой не верти,
Сладострастьем и пороком
Своенравно не шути. <...>
Знай: когда рука Господня
Разразится над тобой
Все, которых ты сегодня
Зришь у ног своих с мольбой,
Сладкой влагой поцелуя
Не уймут тоску твою,
Хоть тогда за кончик хуя
Ты бы отдал жизнь свою.

Или вот такое:

Марису обхватя рукой,
Пред ним, кидая взгляд орлиной,
Стоял Лафа, улан лихой!
Огромный, красный прыщ звездю
Блистал среди его чела;
С хуя тягучею струёю
Ещё заёбина текла.

Над всё́м, что скажут о Лермонтове современники после его смерти, по примеру Маяковского я *ставлю «nihil»*. Тех, кто действительно знал его в жизни можно по пальцам одной руки пересчитать.

Так, участник «дуэли» князь Васильчиков находил в Лермонтове двух человек — одного добродушного и другого — заносчивого:

«Но кроме того, в Лермонтове была черта, которая трудно соглашается с понятием о гиганте поэзии... о глубокомысленном и гениальном

поэте... Он был шалун в полном ребяческом смысле слова, и день его разделялся на две половины между серьёзными занятиями и чтениями, и такими шалостями, какие могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему школьному мальчику...».

Уроженцу Нижней Саксонии учителю Боденштедту, попавшему на Кавказ три года спустя после гибели Лермонтова, поэта характеризовали как выдающегося матерщинника: «Он употреблял выражения, которые в большом ходу у многих, чтобы не сказать у всех русских... Эти выражения иностранец прежде всего научается понимать в России, потому что слышит их повсюду и беспрестанно». Увы. Это правда, но, как водится, не вся.

Держись, отважная красotka!
Ужасны молодцы мои,
Когда ядрёная чесотка
Вдруг нападёт на их хуи!
Они в пылу самозабвенья
Ни слез, ни слабого моленья,
Ни тяжких стонов не поймут;
Они накинута толпою,
Манду до жопы раздерут
И ядовитой молофьёю.
Младые ляжки обольют!..

Это так, забавы юности в кругу сверстников. Зато офицерский сундук Михаила Юрьевича на Кавказе до отказа набит серьёзными рукописями, которые будут опубликованы после его смерти и благодаря его смерти. Он жаждет всероссийской славы и знает, как её добыть.

Слава придёт посмертно, а пока, в Пятигорске — это не второй после Пушкина признанный всероссийский гений, а наказанный ссылкой на Кавказ столичный повеса, матерщинник и злой на язык паркетный забияка с ярко выраженными суицидальными наклонностями. Это, если честно.

Что касается Николая Соломоновича Мартынова, то он убийца, независимо от того, на каких условиях состоялась дуэль, а пуще того самоубийство Лермонтова под видом дуэли. И я не готов однозначно оценить мотивы его поступка: то ли это исполненный долг дружбы, то ли порхание по жизни, то ли месть за неизвестные нам унижения или поругание дворянской чести. Однако убийца и этим всё сказано.

На смерть Лермонтова.

„Погибъ поэтъ, невольникъ чести“...

М. Ю. Лермонтовъ.

Паль жертвой лжи и зла земного
Носитель радужныхъ идей
Коварства гнуснаго людскаго
И низкой зависти людей.
Нанесъ палачъ поэту раны,
И горечь близится конца
Литературнаго титана
И вдохновеннаго творца.
Погибъ и онъ, какъ гениальный
Его предшественникъ-собратъ,
И панихилой погребальной
Страна гудить, и людъ печальный
Душевною горестью объять.

* * *

Но не всего народа слезы
Сердечны, искренни, чисты,—
Какъ не всегда пунцовы розы,
Какъ не всегда свѣтлы мечты,
Для горя ближнихъ сердцемъ зорокъ,
Не забывалъ ничьихъ онъ нуждъ;
Пускай скорбятъ—кому онъ дорогъ,
Пускай клеймятъ—кому онъ чуждъ!
И пусть толпа неблагодарна,
Коварна, мелочна и зла,

Фальшива, лъстива и бездарна
И вновь на гибель обрекла
Другого генія, другого
Пѣвца съ божественной душой,—
Онъ не сказалъ проклятья слова
Передъ кончиной роковой.

* * *

А ты, злодѣй, убійца, ты, преступникъ,
Сразившій генія безчестною рукой,
Ты заклеименъ, богоотступникъ,
Проклятемъ мысли міровой.

Гнунъ те ты Дантеса—тотъ хоть пришлый,
Въ немъ не течетъ земель славянскихъ кровь;
А ты, змѣя, на битву съ братомъ вышла,—
И Каинъ возродился вновь!..

Не лейте слезъ, завистники, фальшиво
Надъ прахомъ генія, не оскорбляйте прахъ;
Вы, стадо жалкое,—ничтожно и трусливо,
И вашъ пастухъ—позорный страхъ.

Васъ оцѣнять вѣка и заклеимятъ, повѣрьте,
Сравнивши обликъ каждаго съ змѣей...

И вы, живые,—мертвые безъ смерти,
А онъ, и мертвый,—да живой!

Игорь-Северянинъ.

С.-Петербургъ.
1908 г. Апрель.

В качестве [Post Scripum](#) публикую три юношеских стихотворения Игоря-Северянина, сбор от продажи, которых в 1908 году он предназначил на сооружение памятника Лермонтову. По 10 копеек с листовки.

Как видите, досталось всем, но вот, что любопытно: в 1926 году Игорь-Северянин напишет для сборника «Медальоны» сонет «Лермонтов», в котором уже не будет упреков толпе и даже простого упоминания Николая Соломоновича Мартынова тоже не будет. Объяснения у меня нет.

Возможно, поэт прочёл опубликованное в Советской России следственное дело об обстоятельствах дуэли Лермонтова и Мартынова. Однако этого издания в его личной библиотеке в Тойла не было. Он мог получить редкую книжку Д.А.Алексеева на прочёт в 1924 году в Берлине от Алексея Ремизова, или Владимира Маяковского, или от кого-то ещё, например, из российского посольства. Знакомство с материалы дела могло изменить отношение Игоря-Северянина к Лермонтову и к обстоятельствам его трагической гибели, что и отразилось в довольно мрачном сонете:

Над Грузией витает скорбный дух —
Невозмутимых гор мятежный Демон,
Чей лик прекрасен, чья душа — поэма,
Чьё имя очаровывает слух.

В крылатости он, как ущелье, глух
К людским скорбям, на них взирая немо.
Прикрыв глаза крылом, как из-под шлема,
Он в девушках прочувствует старух.

Он в свадьбе видит похороны. В свете
Находит тьму. Резвящиеся дети
Убийцами мерещатся ему.

Постигший ужас предопределенья,
Цветущее он прокликает тленье,
Не разрешив безумствовать уму.

Дополнение

Александр Карпенко.

Записки тверского сыщика. Тверь, 2019.

Дуэли не было, или как помогли компьютерные технологии

Многие десятилетия не умолкают споры о причинах и обстоятельствах гибели поэта М.Ю.Лермонтова. Учёными, почитателями таланта великого поэта, по этой теме написано множество работ, статей и проведено исследований. А тайна гибели поэта так и остаётся неразгаданной. Правда, авторы исследований идут разными путями. Одни добросовестно переписывают «своими словами» уже ранее изданное. Другие, очевидно, высасывают факты из пальца и делают на этом основании такие выводы, что задаёшься вопросом — какими источниками авторы пользовались? И не так много проводится серьёзных, смелых исследований, где авторы действительно пытаются разобраться, что же произошло в Пятигорске в том трагическом июле 1841 года.

До сих пор гибель М.Ю.Лермонтова вызывает вопросы, на которые не может дать ответ официальная дуэльная версия. Если внимательно изучить судное (следственное) дело — «О дуэли майора Мартынова и поручика Лермонтова», выявляется много неточностей, ошибок, совершенных следователями и судьями, не захотевшими объективно разобраться в обстоятельствах происшедшей трагедии. <...>

В 50-х годах прошлого столетия учёными криминалистами, судебными медиками и музейными работниками проводилась попытка разобраться в убийстве Лермонтова криминалистическими методами. Правда, целью их исследований было в очередной раз доказать официальную дуэльную версию. Хотя причины, побудившие экспертов это сделать, были совсем другие.

В 20 веке появилась версия убийства поэта не на дуэли, а с Перкальской скалы, осуждённым за преступление казаком. Первым эту версию выдвинул музейный работник из Пятигорска С.Д.Коротков. В газете «Комсомольская правда» была опубликована его статья с изложением обстоятельств убийства поэта.

В 1954 году в журнале «Новый мир» была опубликована повесть Константина Паустовского «Разливы рек», в которой была фраза:

«И последнее, что он заметил на земле, — одновременно с выстрелом Мартынова ему почудился второй выстрел, из кустов под обрывом, над которым он стоял».

В 1957 году тему развил В.Швембергер. В «Трагедии у Перкальской скалы (По следам народной молвы)», опубликованной в журнале «Литературный Кыргызстан», он писал, как один священник в 1896 году причащал умирающего казака и тот ему поведал, как в молодости, чтобы избежать суда, по приказу начальства, убил из засады армейского офицера во время дуэли. Через много лет он узнал, что убил Лермонтова. Представительная комиссия опровергла версию убийства Лермонтова наёмным убийцей в спину с отходящей от горы Машук Перкальской скалы.

Предлагаю прочесть воспоминания Арсения Березина.

<Цитата восстановлена и расширена по изданию: Арсений Березин. Самоорганизация материи. СПб, 2011>.

Дуэль Лермонтова. 115 лет спустя.

В 1941 году столетие со дня смерти Лермонтова не отмечалось. Выстрел Мартынова потонул в грохоте канонады великой войны. В 1951 году тоже было не до Лермонтова. Но к некруглой дате 115-летия лермонтоведение оживилось. По-прежнему тайна дуэли и смерти будоражила умы, а поэзия Лермонтова находила всё больше и больше поклонников во всём мире. <...> В начале 1955 года появилась публикация белорусских исследователей, в которой прямая ответственность за смерть поэта возлагалась на Николая I. Для царя это было не ново. Его и раньше обвиняли в том, что он сослал Лермонтова на Кавказ, под пули горцев, и в том, что он препятствовал его возвращению в Петербург и даже лечению на водах в Пятигорске. Всё это уже было, но в данной публикации царя обвиняли как непосредственного организатора заказного убийства. Исполнителем же якобы оказался какой-то анонимный казак, спрятавшийся в кустах и стрелявший в Лермонтова из ружья. <...> Когда Иракий Андроников прочёл эту статью и ряд других с таким же контекстом, он пришёл в бешенство. Для него — литературоведа, историка, аристократа, знатока николаевской эпохи, дышавшего её воздухом, было совершенно очевидно, что русский император — первый дворянин великой державы, да и всей Европы, никогда в жизни не унизил бы себя организацией убийства какого-то поручика, неврастеника и

скандалиста. Раскрытие такого заговора оказалось бы губительным для репутации его и всех его потомков. Николай I, как никто из Романовых ни до, ни после него, был особенно щепетилен в вопросах дворянской чести. <...> И теперь, одним неосторожным поступком превратиться из безупречного монарха в заурядного уголовного? Нет, это было невозможно. Особенно бесило Андроникова то, что эти провинциальные литературоведы перенесли в высший свет прошлого века ухватки и приёмы века нынешнего. И Андроников решил встать на защиту поруганной чести Императора. Он задумал воспроизвести сцену убийства Лермонтова с максимальной достоверностью или, проще говоря, провести следственный эксперимент 115 лет спустя. Прежде всего оружие. Кто сказал, что стрелялись из дуэльных пистолетов? Откуда в полувоенном Пятигорске дуэльные пистолеты Лепажжа? Тем более, когда дуэли категорически запрещены? Детальное ознакомление с протоколами дуэли показало, что оружием были штатные сёдельные кавалерийские пистолеты. И тут Андроников обратился к хранителю отдела оружия ленинградского Эрмитажа — Леониду Ильичу Тарасюку. В распоряжении Тарасюка находился весь арсенал Эрмитажа, размещающийся в полукруглой башне Зимнего дворца рядом с Зимней канавкой. Уже не один год он занимался разборкой и атрибуцией груды оружия, накопившейся за два с половиной столетия <...> К просьбе Андроникова — отыскать аутентичные пистолеты и использовать их в следственном эксперименте — Тарасюк отнёсся с энтузиазмом. Через какое-то время несколько пистолетов были найдены. По сравнению с этими «гаубицами» лепажевские дуэльные выглядели как детские игрушки. Тарасюк дал мне их подержать и сказал: «Они должны стрелять на дуэли». Для того, чтобы музейный пистолет выстрелил, он должен иметь исправный механизм и боевой заряд, состоящий из пули и пороха. Ещё было бы хорошо, чтобы в момент выстрела не разорвало бы дуло. <...>

Тарасюк приступил к восстановлению механизмов. По-моему, он приспособил для этого токарный станок Нартова, сделанный для Петра Первого, но от прямого ответа он уклонился, заметив, что действительно использовал некоторые подручные средства, имеющиеся в Эрмитаже.

Я занялся порохом и пулями. Составные части пороха XIX века — селитра, древесный уголь и сера — были выписаны со склада Физико-технического института для исследований в области термоядерных реакций. Свинец для пуль просто валялся повсюду в изобилии и научного обоснования для своего использования не требовал. Свинец расплавлялся в кофейнике и

выливался в пулелейку, составленную из двух разъёмных полушарий. После застывания свинца смазанные вазелином полушария размыкались, пуля вынималась, после чего её надо было зачищать от заусениц и шлифовать до нужного калибра.

Работа эта проходила в эрмитажном арсенале по субботам и воскресеньям. Там же мы растирали порох в ступках и набивали его в картузы. Через несколько недель, к концу мая, у нас был новёхонький пистолет 1840 года, пороховые заряды и дюжина пуль. Сложности с кремнём помогли преодолеть коллеги из геологического музея. При нажатии на курок из-под него вылетал целый сноп искр. Пора было переходить к полевым испытаниям.

В ближайшее воскресенье Тарасюк приехал ко мне в Солнечное, где я снимал на лето сарай, и мы отправились в дюны. По дороге Тарасюк прихватил на стройке обрезки трёх досок. В дюнах мы нашли симпатичный окопчик. Кругом росли сосны, тишина, покой — идеальное место для полевых испытаний. Тарасюк развязал свой фронтовой сидор и достал пистолет, боеприпасы, пиво, бутерброды. Ещё я заметил у него индивидуальный перевязочный пакет и бинты разной ширины. «Однако решил подстраховаться!» — подумал я и слегка заволновался.

Верёвками мы навесили на ближайшей сосне мишень толщиной в три доски — «Лермонтов» готов. Тарасюк снарядил пистолет и встал за другую сосну на расстоянии 10 шагов. Он поприцеливался в «Лермонтова» и сказал:

— Так будет хорошо. Ложись в окоп, спрячь голову и не высовывайся!

— Ты же не боишься коррозии! — заметил я.

— Зато ты боишься! Вот и лежи в окопе. Можешь скомандовать: «Готовы? Сходитесь!» И сразу падай.

Я расположился в окопчике и прокричал команду. Он спокойно поднял пистолет, тяжёлый ствол не дрожал в его руке, и медленно нажал на спусковой крючок. Раздался страшный грохот, из дула вырвался столб огня вместе с клубами чёрного дыма. Леонид стоял с закопчённой физиономией и морщился от боли, внятно ругаясь. Сильная отдача сказалась в его раненой руке. «Как это они тогда стреляли из этих самопалов?» — подумал я. Мы подошли к «Лермонтову». Первая доска была просто разможжена в щепки, вторая и третья пробиты, а пуля застряла в сосне. Там мы её и

оставили и, захватив первую доску для Андроникова, отправились домой. По дороге я взглянул на Тарасюка и заметил у него слёзы на глазах: «Ты чего? Тебе больно?» — «Нет, Лермонтова жалко. Как его изувечило!»

Полевые испытания были проведены, настала очередь следственного эксперимента.

Андроников договорился с генералом патологоанатомом профессором П. о том, что эксперимент будет проведён в морге Военно-медицинской академии, как только там окажется бесхозный труп. Это сейчас бесхозных трупов сколько угодно, а тогда это был большой дефицит <...>. И мы стали ждать.

Через несколько недель Андроникову позвонили в Москву из Академии и попросили срочно приехать. Он приехал. Экспертиза была назначена на поздний вечер.

В морге был сооружён бруствер из мешков с песком, за ним находился стол экспертной комиссии. В неё вошли генерал П., Тарасюк, Андроников и судебный эксперт по баллистике Л. «Поручик Лермонтов» <невостребованный труп> был установлен вполоборота к «Мартынову». На нём были помечены входное и выходное отверстия, через ствол которого и проходила директриса. Положение пистолета оказалось удивительно низким, где-то на уровне бедра стрелявшего человека, а дуло оказалось задраным вверх. Затем комиссия села за стол, а Леонид в бронежилете и каске встал у стойки. Он потянул за бечёвку, привязанную к курку.

Раздался выстрел. «Поручик Лермонтов» был отброшен назад — в бок его зияла кошмарная рана, из которой сочился формалин.

Всего этого я не видел, поскольку меня к проведению экспертизы не допустили, и я ждал поблизости на Пироговской набережной. Тарасюк вышел часа в три ночи, неся в руках хорошо початую бутылку арманьяка, и, подойдя ко мне, торжественно возвестил: «Его Величество Император Николай Павлович в смерти поручика Лермонтова не повинен. Лермонтов скончался от пушечного выстрела Мартынова, а не от пули подосланного убийцы. Помянем его, а заодно и государя». Мы помянули. Леонид сказал:

«Не пей всё. Мы должны помянуть и душу майора Мартынова, который убийства Лермонтова не замыслил. Он убил Лермонтова по роковой неосторожности. Вместо того чтобы поднять пистолет вверх, он только задрал дуло, держа пистолет у бедра, и выстрелил. Этот идиот не сообразил, что на таком расстоянии он всё равно попадает. И попал!»

Несчастный фанфарон и тупица, но не убийца! Пусть земля ему будет пухом». И мы допили остатки за упокой души майора Мартынова, а потом пошли по Литейному мосту навстречу рассвету.

На этом эксперимент закончился. А зря! Если бы не остановились на рюмочке арманьяка, то могли увидеть некоторые странности в этом деле. Но винить экспертов незачем. Возможно, они их и видели, но это не было целью их исследований. Мы же исследования продолжим с помощью современной компьютерной программы Компас 3D. <...>

На основании письменного заключения врача Баркляя де Толли, осуществлявшего осмотр тела Лермонтова: «При осмотре, оказалось, что пушечная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастении ребра с хрящом, пробила правое и левое лёгкое, поднимаясь вверх, между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча...» Под последним ребром здесь следует считать десятое ребро, т.к. оно имеет срастание с хрящом. Два последних одиннадцатое и двенадцатое, такого срастания не имеют и находятся ближе к спине. Даже с учётом погрешностей, которые закладываем в программу компьютера, получается: высота первой (входной) раны равна 105,8 см относительно стоп поэта, второго (выходного) отверстия 120,2 см и раны мягкой части плеча 122,8 см. Высота раны мягкой части плеча может быть определена с погрешностью в связи с тем, что Лермонтов мог приподнять руку или отвести её машинально в сторону. Эта погрешность небольшая и она не столь важна в нашем исследовании. Важна сама третья рана, потому что она и позволяет точно и с уверенностью соединить траекторию полёта пули в одну прямую линию. И ещё, что важно, третья рана мягкой части плеча поэта показывает нам, что пуля в теле поэта не гуляла, как считают некоторые исследователи, не уходила в сторону от рёбер и внутренних органов, а «прошила» поэта насквозь. На языке криминалистов это означает, что деривации пули в теле поэта не было.

Что же нам ещё дают компьютерные исследования? Траектория полёта пули относительно вертикальной оси тела поэта составляет 60 градусов. И если траекторию пули продлить вниз до земли, то опрётся она в землю на расстоянии 1,803 м (180,32 см) от раны поэта. Это максимальное расстояние, которое возможно. Тогда Мартынову, чтобы выстрелить пришлось бы лечь на землю или стрелять в упор. <...>

Принято считать, что Лермонтов стоял на некотором возвышении, и стрелялись они с расстояния примерно в 20 шагов. Давайте остановимся на этом расстоянии (отсутствие точного описания дуэли, льёт воду на нашу мельницу, в пользу нашей версии т. к. невозможно описать точно то, чего не было). Если мы с помощью компьютерной технологии переместим Лермонтова под углом в 60 градусов вверх, чтобы расстояние между стрелками составило 15 метров (приблизительно 20 шагов), то получим, что Лермонтов должен был стоять по отношению к Мартынову на высоте 7,774 м. <...>

Мы надеемся, что теперь у некоторых авторов отпадёт желание ставить Лермонтова в замысловатые позы с отклонением назад, в сторону и т.д. На таком уклоне и высоте просто невозможно нормально устоять, и тем более участвовать в дуэли, в качестве стрелка. Хватит ставить Лермонтова то в позу опытного дуэлянта, закрывающим рукой и оружием голову и тело, то наоборот, стоящим с высоко поднятым пистолетом, подставляющим себя под пулю Мартынова. Не было этого. <...>

Теперь рассмотрим нашу версию. Она отображена на схеме № 2, где Лермонтов встречается с Мартыновым сидя на лошади.

За основу зададим компьютеру следующие данные: рост скаковой лошади в холке составляет 160 см (так измеряются все лошади). Спина лошади находится немного ниже холки, но, если положить на неё седло и все, что к нему положено, расстояние выравнивается до холки. Получается, что наездник сидит на лошади на высоте холки. Ещё раз уточняем — это расстояние от переднего копыта до холки.

Путём экспериментальных замеров людей среднего телосложения мы устанавливаем, что расстояние между седлом (ягодицей наездника) и десятым ребром составляет 20-22 см. Округлим до 20 см.

Получается, что входное отверстие от пули находится на расстоянии 180 см от уровня земли. Компьютерная программа выдаёт нам тот же угол вхождения пули в тело — 60°.

Далее все несколько приблизительно. В траекторию полёта пули мы вставили пистолет и дорисовали Мартынова, взяв за основу примерный его рост с папахой в 190 см. Хотя это уже не столь важно.

На схеме № 2 видно, что у нас получилось. Ситуация вполне логичная. И не надо ставить Лермонтова в замысловатые позы.

Мартынов, дождавшись поэта, подошёл к нему, и у них завязался разговор, возможно, перешедший в ссору. Мартынов без свидетелей выстрелил в безоружного Лермонтова, не дав ему сойти с лошади. Возможно, лишь

протягивая заряженный пистолет и предлагая стреляться. Может, хотел убить не так, как получилось.

Для опровержения этой же абсурдной версии уже в 1960-х годах Институтом русской литературы была создана ещё одна экспертная комиссия для проверки «идеи» Короткова и Швембергера. В неё вошли специалисты из Ленинграда: судебные медики, хирурги, научные сотрудники Эрмитажа. Об этой экспертизе написал в своей книге «Немые свидетели» известный криминалист М.Любарский, начальник отдела криминалистических экспертиз ленинградской исследовательской лаборатории. В этой же книге он привёл часть экспертного заключения.

Приведём одну выдержку из заключения:

«Мы осмотрели в Пятигорске место дуэли Лермонтова с Мартыновым и считаем, что акт от 16 июля 1841 года об осмотре следственной комиссией места поединка указывает на площадку с небольшим уклоном (в пределах 5-8 градусов), от юга к северу, ограниченную на юге Машуком, а на северо-западе — Перкальской скалой. Через площадку проходит дорога от Машука в бывшую Николаевскую колонию (ныне Иноземцево). Дуэль проходила на этой дороге: Лермонтов стоял несколько выше Мартынова, спиной к Машуку, лицом к северу. Расстояние между противниками в момент выстрела Мартынова определяется от 10 до 25 шагов (от 8 до 20 метров)».

Что нам здесь важно? Эксперты нашли площадку с уклоном в 5-8 градусов. Никаких гор там не было. Это ещё одно подтверждение правильности нашей версии.

В заключение отметим: настоящие исследования стали продолжением исследований, начатых в 1950-х годах известным лермонтоведом Ираклием Андрониковым, но по неизвестным нам причинам оставшихся незаконченными. Мы их обязательно продолжим.

Как писал поэт Александр Володин

Правда почему-то потом торжествует.

Почему-то торжествует.

Почему-то потом.

Почему-то торжествует правда.

Правда, потом.

Но обязательно торжествует.

Любям она почему-то нужна.

Хотя бы потом.

Почему-то потом.

Но почему-то обязательно.

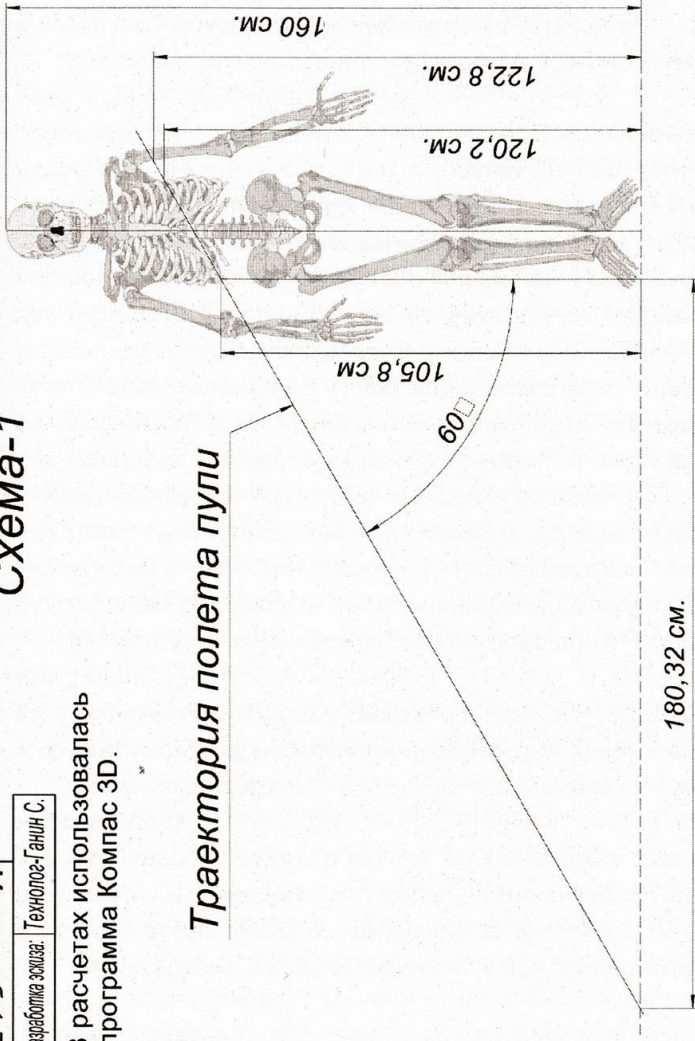
2:1 масштаб

Разработчик эскиза: Технопол-Ганин С.

Схема-1

В расчетах использовалась программа Компас 3D.

Траектория полета пули

180,32 см.

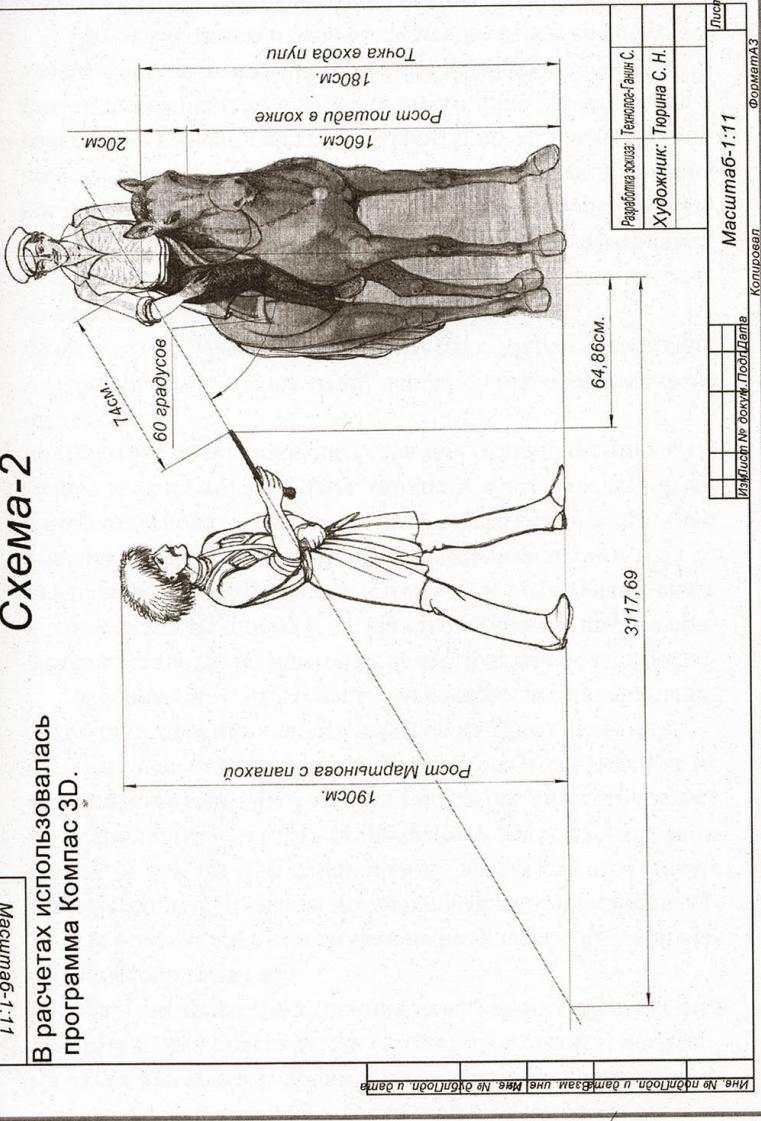
60°

Имя, № проекта и дата	Имя, № докум. и дата	Лист
	Копировать	Формат А3
Масштаб 1:7		

Схема-2

Масштаб-1:11

В расчетах использовалась программа Компас 3D.

Имя, № подлётки и даты
Имя, № эскиза, Подпись
Имя, № подлётки и даты
Имя, № эскиза, Подпись
Имя, № подлётки и даты
Имя, № эскиза, Подпись
Имя, № подлётки и даты
Имя, № эскиза, Подпись

